

«СКОРАЯ ПОМОЩЬ» для храма

КАК В ЯРОСЛАВСКОЙ ЕПАРХИИ СОХРАНЯЮТ СВЯТЫНИ
ДЛЯ БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

Алексей Реутский

По данным Министерства культуры, в европейской части России сегодня в аварийном состоянии находится 5676 храмов. Не у каждой епархии хватает ресурсов остановить их дальнейшее разрушение. К сожалению не всегда может помочь в этом деле государство или общественные благотворительные фонды. Священник Максим Викленко из Романово-Борисоглебского благочиния Рыбинской епархии — настоятель 10 храмов, восемь из которых расположены в таких глухих местах, что добраться к ним можно только пешком или на вездеходе. Как в таких условиях удастся проводить восстановительные и консервационные работы отец Максим рассказал корреспонденту «Журнала Московской Патриархии».

«В Москву я раньше часто ездил, когда в Тимирязевской академии на агронома учился. А сейчас что там делать? Если только по экстренным делам. Едва в Королев въезжаю, голова начинает болеть. Шум, смог, пробки, суета. А у нас тут никого и девственная чистота. Бывает, едешь, а на дороге лось стоит. Посигналишь ему, он посмотрит на тебя и уйдет с достоинством. Тетерева, кабаны, лисы — всего полно. Распаханные поля деревьями заросли. Природа тут победила!» — выдавшая виды черная «Волга» мчит нас с отцом Максимом Викленко по пустынным просторам Ярославской области. Перелесок вдоль хорошей, даже по городским меркам, асфальтовой дороги сменяется полем, заросшим пожелтевшей травой, а сизое плоское небо того и гляди сомкнется у горизонта с землей. До революции нынешний Тутаев состоял из двух городов, рассеянных Волгой: левобережного Романова с сетью сел и деревень по всей округе и малонаселенного правобережного Борисоглебска. В советское время вектор демографии сменился: правая сторона стала прирастать промышленностью, населением, коробками типовых жилых домов, а левая так и осталась одноэтажной, деревянной, соединенной с правой только паромом. О ее многолюдных деревнях напоминают сегодня лишь названия: Телеково, Маклаково, Ратмирово, Здоровцево, Ломино, да сельские кладбища рядом с разрушающимися храмами.

Бабушкин батюшка

«Москвичи приезжают, рассказывают, что у них священника после службы трудно в храме застать, а у нас наоборот: мы за прихожанами бегаем, пытаемся их поймать, воцерковить и привести в храм. Зато все на карандаше!» — улыбается батюшка. Большинство его пастырей — это старушки, «пенсионерочки», как с нежностью называет их отец Максим, живущие нередко в глухих деревнях. Приедет он к одной такой и спрашивает: «Когда, баба Катя, причащаться будешь?» — «Ой, батюшка, не готова я еще». — «Так скоро “со святыми упокой” петь, а ты все не готова!» Другую на улице встретит: «Праздник сегодня, к вам в деревню крестный ход с Казанской иконой пришел, пойдем к иконе приложимся!» А бабушка руками машет: «Денег

нет! Денег нет!» — «Да какие деньги, давай Богородице вместе помолимся!»

Зато как радуется душа, когда удастся, несмотря на расстояния и непроходимость дорог, подготовить пожилого человека к встрече с Богом. «Была у меня бабушка Фаина, я ее в дальней деревеньке навещал. До леса на машине, там на квадроцикле (с собой в прицепе берешь) еще несколько километров вглубь. Сама Фаина до храма дойти уже не могла. В последний мой визит она пособоровалась, причастилась и через пару минут с миром отошла ко Господу. В такие минуты понимаешь, что не зря ты здесь служишь, появляется уверенность, что Господь не оставит, а моя работа не в количестве, а в качестве», — говорит священник.

Служба в пустом деревенском храме с приходом из двух-трех пенсионеров, которые могут и не прийти на Литургию, часто наводила отца Максима на невеселые мысли, особенно в первые годы служения: «Нужен ли ты как священник в этой глуши? Для кого тогда я служу, если потенциальных прихожан видишь только на отпевании? И вырывается невольно при взгляде на понурые лица родственников усопшего: “Почему вы раньше меня не позвали, когда он умирал и душа готовилась предстать на мытарствах?!” Поможет ли теперь ему моя молитва: “Господи, если сможешь, прости этого человека?”»

И вот однажды, в минуту такого уныния, отец Максим вспомнил, что праведный Алексей (Мечев) столкнулся с той же проблемой — он восемь лет молился и говорил проповеди в пустом храме, прежде чем тот наполнился людьми. И тогда отец Максим стал присовокуплять к молитвам на молебнах, которые служил каждое воскресенье, молитвы и к этому святому. «Прошло совсем немного времени, и меня неожиданно, помимо тех деревенских, назначили настоятелем еще и в городском Казанском храме (в 10-м по счету), где есть свой постоянный приход 20–30 человек, и уныние мое как рукой сняло», — признается священник.

Парадоксально, но горькие проповеди на отпевании в разных деревнях тоже дали свой результат. И теперь, видя, что их близкий готовится

Священник Максим Викленко

предстать пред Господом, родственники зовут отца Максима. Может быть, не за горами и тот день, когда в душе кого-то из них затеплится огонек православной веры, надеется он.

«Самая большая радость для меня, это когда в храме собираются люди, — делится отец Максим. — Радость, когда есть возможность работать с детьми в школе. На все благочиние у нас одна только школа (школа — детский сад № 16 “Солнышко”), где полностью укомплектован первый класс — там 13 детей, это в селе Борисоглеб, а в остальных трех школах лишь по одному ребенку». Может быть, причина в том, что в этом селе есть действующий храм Смоленской иконы Божией Матери, куда отца Максима назначили сразу после рукоположения и где он до сих пор служит. Несколько раз в месяц этот храм наполняется детскими голосами. Директор школы Марина Новикова давно заметила, что общение детей со священником и посещение богослужений делает их спокойными и послушными, а это влияет и на успеваемость. Поэтому она опросила родителей и взяла у них письменное согласие на посещение ребятами богослужений.

«Дети учатся вести себя в храме, знают, что можно делать, что нельзя, доверяют священнику, слушаются его. И даже отъявленные сорванцы несут ему свои горести и беды. Поэтому слово батюшки для них — авторитет. Особенно это касается ребят с гиперактивностью, которые сами признаются, что совершают плохие поступки помимо своей воли. С ними занимаются и пси-

холог, и психотерапевт, но этого недостаточно. И только в храме они успокаиваются и начинают себя контролировать», — признается она.

Однако у каждого ребенка есть возможность отказаться, если он не хочет идти на службу. «Мы никого насильно в храм не тянем, и, бывает, два-три ребенка остаются в школе», — говорит Марина Новикова. Она убеждена, что до семи лет гораздо проще привить малышам основы веры и любовь к Православию, чем сделать это в более старшем возрасте. А иногда случается, что и родители приходят в храм вслед за детьми. Однажды одна из девочек призналась отцу Максиму после службы, что она не крещеная, но хотела бы креститься. «Я поговорил с ее мамой, та согласилась. И она крестила не только Аню и младших детей, но крестилась и сама. Так через Анечку вся семья и пришла в храм», — вспоминает священник.

На все руки мастер

Мы тормозим у раскисшей от дождей и уходящей в лес проселочной дороги. В 100 метрах виден убогий домишко с покосившейся крышей, а прямо над ним из-за облетевших березовых крон обреченно выглядывает черный купол с крестом.

«Вы хотели заброшенный храм посмотреть, тут один из них — Рождества Богородицы в деревне Телеково, — священник кивает на березовую рожицу. — Только нужно пешком идти, без трактора машина увязнет».

По благословению епископа Рыбинского и Даниловского Вениамина заброшенные храмы Рыбинской епархии, часть из которых в руинированном состоянии, взяты во всех благочиниях на учет и распределены между настоятелями действующих храмов по силам и возможностям. У кого два, у кого четыре, а у отца Максима — восемь.

У каждого из них, как и у человека, своя судьба. Например, храм Рождества Богородицы в деревне Слизнево (закрыт в 1964 году) разграбили в 1970-х годах местные жители, когда искали там клад. Поводом стал кувшин с царскими деньгами, который нашел в поле пахавший рядом тракторист. Люди разворотили крышу и иконостас с иконами XIX века, но ничего не нашли. В деревне Ломино в храм Рождества Христова ударила молния, после того как его закрыли в 1954 году. Сгорела кровля, и храм начал разрушаться. Храм

Храм Рождества
Богородицы
в Слизневе

Рождества Богородицы в Телеково построил в начале XIX века в своей усадьбе какой-то отставной генерал, здесь же и нашел он свой последний приют. Но после революции храм закрыли, могилу генерала осквернили, где она была — теперь неизвестно. «Старики рассказывают, что в советское время каменный забор вокруг этого храма приглянулся какому-то рабу Божьему и он решил разобрать его себе на печку, — рассказывает отец Максим. — По кирпичику разбирал и кидал жене, пока один кирпич, неудачно упав, не сломал ей ногу. Раб Божий не внял, и в другой раз осколок кирпича выбил ему глаз. Это тоже его не остановило. Печку он все-таки сложил, да только она после второй топки развалилась. С тех пор никто не рисковал храм на кирпичи растаскивать».

Тишину осеннего леса нарушают отрывистые крики галок. Ботинки тонут в глине, к одежде цепляется репей. Мы осторожно, выбирая места повыше, идем вдоль обочины, заросшей высоким бурьяном. Среди всех храмов, что достались отцу Максиму, телековский был в самом плачевном состоянии. «Внутри и на куполе росли березы диаметром в 20 см, крыша в четверике и алтаре грозила вот-вот рухнуть, — вспоминает отец Максим. — Одна из проблем была в том, что кладка наверху стены могла осыпаться под ногами в любой момент. Но с Божьей помощью справились. Храм законсервирован, влага сюда больше не проникает. Специалисты говорят, за три года должен высохнуть и можно какие-то отделочные работы начинать». В условиях финансового дефицита жестяную кровлю заменила некондиция от автомобильных тентов, которую пожертвовал Ивановский завод искусственных покрытий, а стропила и обрешетку — владельцы лесопилки и директор местного лесхоза. В кровельных работах отец Максим не новичок. Этим навыкам научил его еще дед — профессиональный жестянщик и кровельщик. «Мне в жизни все профессии пригодились — водителя, тракториста, плотника, агронома, — говорит священник. — Но хотел бы еще азам архитектуры поучиться, чтобы знать, как правильно восстанавливать храмы».

Он в чем-то похож на врача-реаниматолога, но только для храмов: приехал, осмотрел больного, поставил диагноз, собрал средства и помощников, сделал операцию. И как только

*Церковь Спаса
Нерукотворного
образа.
Деревня
Ратмирово*

«больной» вновь задышал, поспешил на старенькой «скорой помощи» к другому «больному». В год ему удастся законсервировать и спасти от дальнейшего разрушения один храм. За три года спасены храмы в Телеково, Слизнево и Ломино. Прошлым летом планировал заменить кровлю в Николо-Покровской церкви в селе Малый Покров (где на кладбище похоронен красноармеец Илья Тутаяев, в честь которого назван город. — *Примеч. ред.*), но из-за дождей не получилось.

Отец Максим недолго возится с замком на дверях, и мы оказываемся внутри храма. Штукатурка сохранилась кусками. Самый крупный — на своде алтаря, на котором чудом уцелели фрески Тайной вечери с фрагментами ликов Христа и апостолов. О мусорных кучах в четверике напоминает широкая волна зеленой плесени внизу стены.

«Я здесь еще ни разу не служил. У нас так принято, что, когда восстанавливаемый храм подготовлен к богослужению, наш владыка Вениамин всегда проводит в нем первую службу, благословляет меня, и я уже продолжаю служить. Бывает, даже служим в храмах под открытым небом, где уцелели только стены, потому что здесь находился престол и совершалась Литургия, это священное место», — поясняет священник.

«Вы говорите, что ваши прихожане — в основном старушки и дети, но кто тогда помогает

*Отец Максим
с маленькими
прихожанами
с. Борисоглеб*

все это восстанавливать?» — спрашиваю отца Максима.

«Местные деревенские жители, дачники, покупающие в этих деревнях дома, родственники тех, кто когда-то молился в этих храмах (они переехали в соцсетях), те, кто нашел здесь свой дом, приехав из другой области», — отвечает он.

Добровольные помощники

Храм в Телеково помогали восстанавливать отцу Максиму жители села Борисоглеб — Валентин и Вадим Бутрюмовы, отец и сын. «Когда вижу разрушающийся храм, жалко и обидно, что бросили его на самоуничтожение. И вдвойне обидно, что одни люди его строили, а другие разрушали, в том числе и своим равнодушием. Если бы 20 лет назад поменяли крышу, то затрат было бы гораздо меньше, и стояли бы они еще 100 лет в ожидании своих прихожан», — говорит Валентин Бутрюмов.

Ярославцы Владимир и Ирина Носковы несколько лет назад купили дачу в деревне Богдановка. Узнав, что в 500 м от Богдановки, в соседней деревне Слизнево, есть заброшенный храм Рождества Богородицы, супруги организовали сбор подписей среди жителей округа с просьбой к епископу открыть приход и назначить священника, а затем нашли помощников и благодотворителей. «Очень помог заведующий Богдановским сельским клубом Андрей Звонарёв и его семья, — рассказывает Владимир. — В частности, организовал молодежные субботники: ребята окопали храм по периметру и убрали внутри кучи мусора». Помогали даже те из местных

жителей, кто сначала заявил, чтобы на них не рассчитывали. К слову, крышу в Слизнево перекрывали все тем же брезентовым покрытием, которое привез отец Максим из Иваново.

На вопрос, какой смысл тратить силы и время на восстановление храма в вымершей деревне, Владимир Носков отвечает, что хочет сохранить и передать детям всё, что с такой любовью сделано руками его предков несколько веков назад (храм построен в 1766 году): «Сегодня в этом храме совершаются службы, крестят младенцев и взрослых, венчаются семьи, многие перед самой смертью стали его прихожанами и с миром отошли ко Господу. Все больше люди вокруг меня задумываются о будущей жизни, о Царстве Небесном — значит, есть польза от того, что нам всем уже удалось сделать, и эту работу нужно продолжать».

А два года назад в социальной сети «ВКонтакте» появилась группа (<https://vk.com/club116944628>), участники которой не только собирают пожертвования, но и ведут хронику восстановительных работ, публикуют архивные данные о его клире и приходе.

Анна Горшкова — активная участница этой группы. Она родилась в соседней со Слизнево Богдановке, уехала оттуда в 1964 году. «Я не могу переносить вид разрушающегося храма, в котором венчали мою няню и отпевали бабушку, крестили моих родных, — говорит она. — Много лет спустя я пришла на службу в этот храм. И в моей памяти всплыли воспоминания о моих близких и дальних родственниках, кто строил этот храм и молился в его стенах, пел на этом клиросе, а теперь лежит рядом на сельском кладбище (их там несколько

поколений). Я поделилась своими переживаниями с детьми, и младший сын Николай с друзьями из Ярославля приехал помочь на субботник. Путь к обновлению храма будет долгим, но это дело нам нельзя бросать на полпути, поэтому и помогаю. Я сейчас на общественных основаниях работаю в архивах и собираю сведения об этих местах».

Дмитрий приехал в Тутаевский район из другой области. Отец Максим говорит, что доброволец восстанавливает храм практически один и на подмогу вызывает, только если невозможно выполнить работу одному. За два года ему удалось очистить храм от мусора, заделать в своде дыру диаметром в три метра и почти закончить ремонт крыши. Но вряд ли бы он справился, если бы не нашлись люди, кто жертвует на восстановление и стройматериалы. «Для меня этот разрушающийся храм, словно старый, больной человек. Мне важно, чтобы это место не было заброшено и там служили Богу. Только молюсь, чтобы моя работа не была Ему в мерзость», — говорит он. В прошлом году у Дмитрия случилась большая радость — в его храме впервые за 56 лет состоялась Божественная литургия, которую отслужил епископ Рыбинский и Даниловский Вениамин.

На сегодняшний день отец Максим служит в четырех храмах из 10-ти — в Казанском (город Тутаев), Смоленском (село Борисоглеб), Рождества Богородицы (деревня Слизнево) и Рождества Христова (деревня Ломино). В летний период получается по две службы в месяц в каждом из них, в зимний остаются только два — где есть печки. В остальные храмы (до самого дальнего от Тутаева, где живет священник, 30 км) периодически навещается, отслеживая их сохранность. Кроме него делать это некому. Чтобы они опять наполнились прихожанами, как это было до революции, по мнению священника, нужна реформа сельского хозяйства. Когда в Нечерноземье снова станет выгодно выращивать и реализовывать птицу, скот, лен, рожь, картофель, производить молочную продукцию, люди захотят приехать сюда из других районов и областей нашей страны. «А сегодня, представьте себе, — вот засажу я 100 гектаров картофелем, это

**РАЗРУШАЮЩИЙ-
СЯ ХРАМ, СЛОВНО
СТАРЫЙ, БОЛЬНОЙ
ЧЕЛОВЕК. ВАЖНО,
ЧТОБЫ ЭТО МЕСТО
НЕ БЫЛО
ЗАБРОШЕНО И ТАМ
СЛУЖИЛИ БОГУ**

200 тонн урожая. Но кто у меня его купит? Где хранить?

Никому это не интересно, проще в Египте купить. Осталось в районе пара хозяйств, но то, что они до сих пор живы, — просто чудо», — сетует отец Максим.

Трудностей у него тоже не мало: не хватает средств, очень мало помощников, иной раз нечем машину заправить, чтобы доехать и послужить в дальнем приходе, не всегда и певчих найдешь. А главная проблема — это малое количество прихожан. Но, уповая на заступничество Божией Матери, отец Максим не теряет надежды: «У десантников есть девиз: “Никто, кроме нас”. И здесь точно так же. Владыке виднее, кого куда поставить. И сейчас, после пяти лет службы, я понимаю, что уже прикипел к этим храмам душой. За каждый переживаешь, знаешь его болезни, проблемы и понимаешь: это мое послушание. Я чувствую, как бы трудно ни было, я здесь на своем месте».

**Фото Алексея Реутского
и священника Максима Викленко**

